

Кирчанов Максим Валерьевич

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ФОРМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В ЧУВАШСКОЙ АССР В 1950 - 1960-Е ГОДЫ

Авторская концепция построена на признании изучения чувашского языка и истории формами культурного национализма. По мнению автора, особую роль в развитии национализма играли чувашские интеллектуалы, которые были вынуждены интегрировать национализм в официальный советский канон. Особое внимание уделялось проблемам русского влияния. Национальные настроения в наибольшей степени проявлялись в исследованиях языка и литературы. Развитие культурного национализма стало предпосылкой активизации политического национализма в 1970-1980-е годы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. II. С. 84-89. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 327

Авторская концепция построена на признании изучения чувашского языка и истории формами культурного национализма. По мнению автора, особую роль в развитии национализма играли чувашские интеллектуалы, которые были вынуждены интегрировать национализм в официальный советский канон. Особое внимание уделялось проблемам русского влияния. Национальные настроения в наибольшей степени проявлялись в исследованиях языка и литературы. Развитие культурного национализма стало предпосылкой активизации политического национализма в 1970-1980-е годы.

Ключевые слова и фразы: национализм; чувашская идентичность; советский авторитаризм; интеллектуальное сообщество; гуманитарные исследования; русские нарративы; литературные исследования.

Максим Валерьевич Кирчанов, к.и.н.

Кафедра международных отношений и регионоведения

Воронежский государственный университет

maksymkirchanoff@gmail.com

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ФОРМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В ЧУВАШСКОЙ АССР В 1950 - 1960-Е ГОДЫ[©]

На протяжении 1950 - 1960-х годов в европейских периферийных регионах протекали процессы постепенной активизации национализма. Не являлась исключением и Чувашская АССР. В условиях существования авторитарного политического режима в СССР чувашские националисты были вынуждены интегрировать свои теории в «большой» идеологический канон, что было связано с развитием концепта советскости. В Чувашской АССР, как и в других автономных и союзных республиках СССР, интеллектуальный дискурс был в значительной степени подвержен унификации, что проявлялось в гуманитарных исследованиях. Поэтому исследования, созданные чувашскими интеллектуалами во второй половине 1950-х годов, представляют значительный интерес как «участки памяти» [38] в рамках развития чувашской идентичности.

Чувашский интеллектуальный нарратив нес в себе все родовые признаки официального советского историографического канона. В советской чувашской историографии были заметны все проявления советской парадигмы - приоритет социально-экономической истории, культивирование мифа об исключительно прогрессивной роли в истории чувашского народа россиян, признание революционных процессов как движущей силы истории, искусственный разрыв истории на досоветскую и советскую. Тем не менее, чувашская интеллектуальная ситуация обладала определенной спецификой. В центре авторского внимания в настоящей статье - проблемы функционирования гуманитарных исследований в Чувашской АССР как формы национализма в авторитарном обществе.

Комментируя особенности развития гуманитарных наук, британский исследователь национализма Д. Томпсон подчеркивал, что «в представлениях о прошлом отражается современное состояние группы» [39]. Это в полной мере соответствует и основным тенденциям развития гуманитарных исследований в Чувашии в анализируемый период. С другой стороны, занятие гуманитарными науками для чувашских интеллектуалов 1950 - 1960-х годов было формой проявления национальной идентичности. Американский социолог Дж. Фридман подчеркивает, что «история является представлением о прошлом, тесно связанным с выработкой идентичности в настоящий момент» [37]. Именно поэтому, гуманитарные исследования, проводимые в Чувашской АССР, отражали то состояние, в котором пребывало чувашское интеллектуальное сообщество, стремившееся, с одной стороны, сохранить свою идентичность и, с другой, вынужденное постоянно демонстрировать свою лояльность советскому идеологическому канону.

В этой ситуации совокупность нарративов, представленных в большинстве исследований анализируемого периода, имеет традиционную для автономных республик структуру, основанную на изложении событий в хронологическом порядке, что вело к деградации истории чувашей в предысторию Чувашской АССР. Такие модели описания и написания историй народов РСФСР были призваны вписать чувашское прошлое в советский идеологический канон. Комментируя функции истории в авторитарных обществах, немецкий исследователь Р. Линднер подчеркивал, что «во все эпохи и в каждом обществе историография подчиняется политике» [24]. Именно поэтому для гуманитарных исследований, проводимых в Чувашской АССР в анализируемый период, характерен комплекс нарративов, традиционных для советского интеллектуального дискурса, которые почти не обладали способностью к изменению и трансформации. В частности именно поэтому один из чувашских авторов того времени М. Я. Сироткин констатировал, что «ленинско-сталинская политика партии большевиков и советского государства, помощь великого русского народа подняли чувашский народ к творчеству новой жизни» [30, с. 90]. Таким образом, значительное число нарративов в текстах чувашских интеллектуалов было связано с необходимостью выражения лояльности «большому» советскому культурному дискурсу. Это - нарративы, которые, как правило, были призваны описывать прогрессивное влияние на развитие национальных литератур советской власти.

Советские нарративы, о которых речь шла выше, были доминирующими в большинстве гуманитарных исследований анализируемого периода. Например, «Очерк истории чувашской советской литературы» М. Я. Сироткина открывался с утверждения о том, что «Великая Октябрьская социалистическая революция пробудила к новой жизни десятки прежде поработанных народов», наделив их «несокрушимой верой в торжество социализма» [29, с. 4, 49]. Подобный нарратив был призван выразить лояльность чувашских интеллектуалов советскому режиму. С другой стороны, не следует забывать и о том, что чувашская интеллигенция в советский период была частью советской интеллигенции и, поэтому, ей так же были присущи унифицированность мышления и ограниченность используемого методологического инструментария. Среди «советских» нарративов особую роль играли т.н. «партийные» нарративы, связанные с описанием роли Коммунистической Партии в жизни чувашей. Образ партии в текстах М. Я. Сироткина в значительной степени идеализирован: «партия раскрыла величественные перспективы развития нашей страны».

При этом М. Я. Сироткин указывал на то, что именно партия ведет борьбу против чувашского «буржуазного национализма». Проявления чувашского «буржуазного национализма» М. Я. Сироткин был склонен видеть в интересе части чувашских писателей к «отжившим фольклорным традициям» и в «перепевах идейно-чуждых советским людям религиозно-мистических мотивов». Именно с деятельностью партии М. Я. Сироткин в духе официального дискурса был склонен связывать то, что «вместе со всеми братскими народами, сплоченными вокруг партии, добились огромных успехов во всех областях жизни чувашские трудящиеся, превратили свою республику в экономически и культурно развитый социалистический край» [Там же, с. 165]. По сравнению с более ранними работами, тексты М. Я. Сироткина середины 1950-х годов менее национальны, чем, например, его статья «Чувашская советская литература», опубликованная в 1950 году, где им констатировалось, что, благодаря советской власти, Чувашская АССР не только была награждена Орденом Ленина в 1935 году, но и трансформировалась в одну из «передовых республик Советского Союза» [30, с. 163].

По мнению британского исследователя Э. Смита, историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма [31, с. 236]. Особенностью интеллектуальной ситуации в Чувашской АССР было не только то, что местные интеллектуалы играли аналогичную роль, они были вынуждены соотносить свои концепции с советским идеологическим канонем. Например, упомянутый выше М. Я. Сироткин культивировал нарратив о том, что благодаря деятельности партии и советской власти в Чувашской АССР «победа социализма создала все условия для роста духовной культуры и всестороннего развития чувашского народа». Позитивные тенденции, как полагал М. Я. Сироткин, проявились в изменении статуса чувашской литературы, превратившейся в «полноправную часть многонациональной литературы социалистического реализма». По мнению М. Я. Сироткина, советская власть оказала исключительно позитивное влияние на развитие чувашской идентичности и культуры, трансформировав последнюю в социалистическую по форме и национальную по содержанию. М. Я. Сироткин полагал, что в Чувашской АССР чувашаи обрели «полноту национального бытия», трансформировавшись в «чувашскую социалистическую нацию» [29, с. 166].

Кроме «советских» нарративов мы можем выделить в чувашском интеллектуальном дискурсе и т.н. «русские» нарративы, призванные описать не только прогрессивное влияние русских на нерусских, но и продемонстрировать верность в негласной национальной иерархии, существовавшей в СССР, чувашского народа «старшему брату» - русскому народу. В рамках чувашского культурного дискурса Чувашская АССР и чувашская культура воспринимались как результаты не просто прогрессивного русского влияния, но и как результат помощи со стороны «братского русского народа»: «при братской помощи русского народа... в Чувашии произошла настоящая культурная революция». Русское влияние воспринималось позитивно в виду того, что именно с ним чувашские интеллектуалы связывали утверждение в рамках чувашского литературного дискурса методов социалистического реализма [Там же, с. 4-5].

Наряду с «социалистическими» и «русскими» нарративами значительную роль в функционировании чувашского культурного дискурса и политического языка во второй половине 1950-х годов играли и чувашские нарративы, которые лежали в основе умеренного чувашского национализма. В текстах чувашских интеллектуалов мы можем обнаружить проявления чувашского национализма, связанные с развитием нарратива о глубокой древности чувашского народа, об уникальном месте чувашей среди других тюркоязычных народов. М. Я. Сироткин, например, акцентировал внимание и на том, что на протяжении истории чувашаи неоднократно теряли свою независимость, но, несмотря на это, сохраняли свою идентичность [Там же, с. 9, 11]. С другой стороны, национальные нарративы в значительной степени были интегрированы в официальный дискурс. Поэтому, национальное в чувашской интеллектуальной традиции анализируемого периода сводилось почти исключительно к тому, что чувашские писатели на чувашском языке создавали идеологически *правильные* произведения, посвященные «новому в жизни чувашского народа». В подобной ситуации чувашские авторы вынужденно подчеркивали, что существование чувашей подчинено «великой цели строительства коммунизма, безраздельной верности и преданности советской родине и партии» [Там же, с. 350].

В целом, принимая во внимание особенности развития чувашского интеллектуального дискурса середины 1950-1960-х годов, функционирование интеллектуального сообщества в Чувашской АССР в значительной степени аналогично тем тенденциям, которые имели место и в других национальных республиках РСФСР. Комментируя подобную ситуацию, например, в Татарской АССР, Д. Усманова констатирует, что «провозглашенная денационализация истории, целенаправленное создание истории классов и классовой борьбы, жесткий идеологический пресс, тотальный контроль, отрицание историографического наследия прошлого - все это делало априорно невозможным дальнейшее развитие исторической науки в направлении создания национальной истории» [33, с. 150-151].

Подобные тенденции в рамках чувашского интеллектуального сообщества существенным образом ограничивали его возможности, хотя работы других чувашских авторов анализируемого периода в большей степени служили делу развития национальной идентичности, что, например, относится к текстам чувашских филологов. Среди форм поддержки национальной идентичности и местного национализма особое место занимало изучение чувашского языка. Язык воспринимался как важный инструмент этнической мобилизации и националистической модели модернизации [35], что, вероятно, свидетельствует об универсальном значении феномена лингвистического воображения в арсенале интеллектуалов-националистов как адептов политической модернизации и социальных перемен вне зависимости от политического режима, в рамках которого протекают модернизационные изменения. Примечательно, что чувашскими интеллектуалами язык изучался максимально широко, в самых разных его аспектах. В своих исследованиях чувашского языка местные чувашские интеллектуалы в советский период, с одной стороны, стремились доказать непосредственные связи чувашского языка с древними языками региона, а, с другой, показать свою интеллектуальную преемственность авторам более раннего периода. Таким образом, чувашский националистический нарратив базировался на идее своеобразного двойного континуитета - этнически-языкового и культурно-интеллектуального. Данной проблеме была посвящена литература, в рамках которой рассматривалась как деятельность отдельных исследователей чувашей (В. П. Громова, В. К. Магницкого, Н. В. Никольского), так и общее изучение их истории, языка, этнографии и культуры, анализировались историографические направления прошлого, связанные с изучением чувашской истории [3; 21].

Главным предшественником чувашских советских интеллектуалов был объявлен русский тюрколог Н. И. Ашмарин [14; 15], который помимо русского, написал ряд работ на чувашском языке. Ашмарин, действительно, значительную часть своих научных исследований посвятил именно чувашам. Первая работа подобного плана была издана им в 1892 году и была посвящена проблемам чувашской народной поэзии. Усилиями чувашских интеллектуалов Н.И. Ашмарин превратился в первого исследователя, который с научных позиций стал разрабатывать теорию о происхождении чувашей от волжских болгар, т.е. концепцию болгаро-чувашского континуитета. Интерес к фигуре Н.И. Ашмарина был вызван и его работой в деле издания чувашского словаря. В 1910 году им был издан первый выпуск словаря чувашского языка. Издание было завершено лишь к 1950 году. Всего усилиями Н. Ашмарина было подготовлено семнадцать выпусков данного словаря [8; 9]. В целом Н. Ашмарину, интегрированному в чувашский национальный пантеон, советскими чувашскими интеллектуалами приписывалось то, что он стал основоположником чувашского научного языкознания.

Деятельности Н. И. Ашмарина советские чувашские историки посвятили ряд статей и исследований. Н. Ашмарин рассматривался как исследователь особенностей чувашского синтаксиса, как исследователь морфологии чувашского языка, как лексикограф, этимолог, как исследователь генезиса чувашей и чувашского языка, как диалектолог, как исследователь чувашского литературного языка. Советские чувашские интеллектуалы считали, что именно Н. И. Ашмарин стал первым профессиональным исследователем чувашского языка. Они отмечали, что он очень много сделал для изучения культуры и языка чувашского народа, «обобщил и донес до наших дней духовное наследие наших предков», способствуя расцвету «национальной культуры чувашского народа». Чувашские интеллектуалы подчеркивали именно прочувашские тренды в исследованиях Н. Ашмарина. В заслугу Н. И. Ашмарину ставили доказательство происхождения чувашей от волжских болгар и составление семнадцати томов чувашского словаря - «сокровищницы языка чувашей» и «монументального памятника материальной и духовной культуры чувашского народа». В рамках официального интеллектуального и политического текста Чувашской ССР Н. И. Ашмарин восхвалялся за доказательство болгарского происхождения чувашей, стабилизацию литературных норм чувашского языка [2; 28].

Кроме русских предшественников чувашские советские интеллектуалы искали своих предшественников и среди чувашских деятелей. В качестве такого предшественника они нередко рассматривали Никиту Ефимова - одного из первых чувашских ученых, который занимался изучением чувашского языка. Его исследования «Материалы к изучению чувашского языка» и «Чувашские песни с переводом их на русский язык» получали самую положительную оценку, рассматриваясь как «ценнейшие труды по чувашскому языку». В целом, чувашские советские авторы считали, что Ефимов «занимает достойное место среди замечательных деятелей чувашской культуры». В качестве еще одного предшественника советская чувашская интеллектуальная традиция была склонна позиционировать и Н. М. Охотникова - просветителя чувашей и прогрессивного деятеля, который способствовал росту чувашской культуры [4; 12], предпочитая при этом избегать упоминания того, что первые попытки культивирования чувашской национальной идентичности именно на базе чувашского языка имели место в 1920-1930-е годы [1; 10; 19; 22; 25; 26; 32].

Культивирование политической идентичности в рамках чувашского националистического текста, таким образом, в анализируемый период сочеталось и с языковыми трендами, хотя, в отличие от союзных республик, в националистическом дискурсе Чувашской АССР сложно проследить непосредственную связь между тематикой и языком исследования в виду того, что значительная часть исследований, в которых доминировал националистический дискурс, выходила на русском языке, что вело к ослаблению культурной коммуникации в рамках чувашского интеллектуального сообщества и размыванию связей между такими категориями как «национальный язык» и «национальная история». Тем не менее, в Чувашской АССР сложилась своя особая модель политического языка, несмотря на то, что чувашские интеллектуалы нередко были вынуждены издавать свои работы на русском языке.

Попытки культивирования чувашской национальной идентичности, связанной с языком, в значительной

степени активизировались в послевоенный период, когда начали выходить обобщающие работы по чувашскому языку, в особенности, словари - орфографические, русско-чувашские, чувашско-русские. Чувашское интеллектуальное сообщество активизировало свои усилия, направленные на консолидацию нации и укрепление национальной идентичности, действуя в рамках советского политического канона. В 1963 году на базе различных учреждений был создан Научно-исследовательский институт литературы, языка, истории и литературы, который стал крупнейшим центром изучения чувашского языка. Усилия сектора языка были сосредоточены на изучении фонетики, лексикологии и грамматики языка. Усилиями ученых сектора было издано несколько сборников статей и монографий по различным проблемам чувашского языка [6].

В анализируемый период, благодаря усилиям чувашских национально ориентированных интеллектуалов, увеличилось количество работ по проблемам чувашского языкознания, издаваемых на чувашском языке. С другой стороны, следует принимать во внимание, что в условиях доминирования общесоюзной тенденции к русификации, число исследований на чувашском языке было гораздо меньшим, чем аналогичные публикации на русском. Несмотря на это, в Чувашской АССР вышел ряд важных работ, посвященных роли советской власти в развитии чувашского языка, а также исследований, посвященных чувашскому литературному языку, его лексике, синтаксису, орфографии, грамматике, стилистике, морфологии и фразеологии и другим проблемам современного чувашского, литературного и разговорного языка [Там же]. Большая часть исследований о чувашском языке выходила на русском языке. Чувашские исследователи подвергли анализу и изучению различные аспекты истории и современного состояния чувашского языка. Чувашские интеллектуалы в рамках доминировавшего националистического текста неоднократно подчеркивали специфику чувашского языка, его принадлежность именно к тюркской языковой семье. В 1950-е годы чувашский исследователь И. Д. Кузнецов утверждал, что чувашский язык никогда не был второстепенным языком. Влияние финно-угорских языков он воспринимал как уникальную особенность. Он считал, что «чувашский язык был языком волжских булгар, языком не только разговорным, но и письменным». Татарский язык рассматривался им как самостоятельный язык, тесно связанный с чувашским, так как между ними он видел генетическое родство, пытаясь доказать, что современный татарский язык произошел от древнечувашского языка Волжской Булгарии. Вместе с тем, И. Д. Кузнецов, подчеркивая особенности чувашского языка, писал о его близости к языкам народов Европы - латыни, готскому, англосаксонскому, английскому, древнескандинавскому, средневерхнемецкому [11; 17].

Кроме этого, стремясь показать исключительность чувашей как тюрков, И. Д. Кузнецов указывал на то, что китайский язык обязан своими тюркскими элементами именно чувашам. Американский исследователь Дж. Фридман подчеркивает, что «объективно история ... пишется в определенном контексте и представляет собой проект определенного типа» [36, р. 41]. Действуя в рамках идеологически ограниченного советского научного и интеллектуального пространства, И. Д. Кузнецов полагал, что непосредственных доказательств того, что древние тюрки назывались чувашами не было к тому времени найдено, и писал именно о «чувашских предках» чувашей. И. Кузнецов считал, что эти предки имели развитые отношения с Китаем и китайцами. Рассматривая эти связи, он выделяет три наиболее важных направления - общность народной музыкальной культуры, общность народного орнаментального искусства, общность старинной чувашской космогонии и календаря. Рассматривая общую лексику китайского и чувашского языков, И. Д. Кузнецов приходит к выводу, что большинство слов из ее состава связаны с философскими или общественно-политическими понятиями [7; 23]. Нарратив об уникальности и исключительности был весьма популярен среди чувашских интеллектуалов. Чувашский исследователь языка Л. П. Сергеев отмечал, что в чувашском языке есть ряд уникальных особенностей, но по своей природе он являлся и является именно тюркским. Кроме этого, Л. П. Сергеев, рассматривая чувашские названия для предметов одежды из разных диалектов чувашского языка, доказывал, что большинство из них имеет уникально чувашское или общетюркское происхождение. Что касается заимствований, то им подчеркивалось, что они проникли не из русского языка, а имеют угрофинское происхождение. С другой стороны, он подчеркивал, что в чувашском языке есть ряд слов, происхождение которых неясно. Этим он стремился доказать уникальность чувашского языка [27].

Чувашские интеллектуалы считали, что в древнейшую эпоху, когда тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки не были достаточно разобщены, предок чувашского языка занимал промежуточное положение между тунгусскими и монгольскими языками. При этом они отмечали и определенную близость чувашского языка к монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам. На основе этой близости чувашские исследователи приходили к заключению, что «предки чувашей имели генеалогические связи с родственными тюркскими племенами». Более того, чувашские интеллектуалы считали, что связи предков чувашей с родственными тюркскими племенами отразились в самом чувашском языке, который «сложился в глубокой древности». В пользу развитых связей говорит то, что основной пласт слов чувашского языка имеет тюркское происхождение [20, с. 298-300]. Доказывая тюркский характер чувашского языка, чувашские интеллектуалы в советский период вступили в полемику с татарскими коллегами. Чувашско-татарская дискуссия развернулась вокруг двух проблем: тюркской природы чувашского языка и булгаро-чувашского исторического и языкового континуитета. Проблема обострялась тем, что татарские интеллектуалы считали себя не только прямыми и единственными потомками волжских булгар и автоматически традиций государственности Волжской Булгарии, но и, своего рода, главными тюрками среди всех тюркских народов РСФСР.

Татарским авторам не нравились категоричные заявления чувашских коллег о том, что «булгарская теория происхождения чувашей гласит, что чувашский язык является потомком языка древних волжско-камских болгар, или, по крайней мере, их можно признать диалектами одного и того же языка» [16, с. 23].

Одним из наиболее ярких полемистов с чувашской стороны был языковед, специалист по тюркским языкам М. Р. Федотов. В 1979 году он выступил с критикой монографии татарского интеллектуала М. З. Закиева «Происхождение языка татарского народа». Федотов подверг критике основные положения теории М. З. Закиева, а именно: 1) татарский язык - главный наследник языка волжских булгар; 2) в формировании татарского языка главную роль играли именно волжские булгары; 3) теория прямого булгаро-чувашского континуитета неверна, так как не имеет серьезных доказательств; 4) чувашский язык - это не тюркский, а тюркизированный язык; 5) законы, характерные для всех тюркских языков, не согласуются с развитием чувашского языка; 6) тюркские заимствования в славянские и финно-угорские языки проникли из татарского, а не из чувашского языка [18]. М. Р. Федотов, в свою очередь, подверг концепцию М. Закиева резкой критике, доказывая, что: 1) татарский язык не может быть прямым наследником языка волжских булгар, так как татары в этом регионе появились позднее, чем чувашши; 2) в формировании татарского языка основную роль играли общетюркские элементы, а в формировании чувашского - булгарские; 3) между булгарами и чувашами существовал прямой континуитет, что подтверждается данными языка и культуры; 4) чувашский язык является тюркским, но со значительной спецификой, вызванной особенностями исторического развития чувашского народа; 5) чувашский язык, будучи тюркским, развивается в соответствии с законами развития тюркских языков; 6) тюркские заимствования в славянские и финно-угорские языки проникли именно из чувашского языка, так как в прошлом между этими народами существовали развитые контакты [34].

Подводя итоги, отметим, что попытки развития чувашской гуманитарной традиции во второй половине 1950-х годов были интегрированы в советский интеллектуальный контекст и советскую модель гуманитарного знания, что вело к развитию самоцензуры и добровольно-принудительному отказу исследователей от изучения значительного числа проблем, связанных с историей чувашской литературы. Это вело к тому, что чувашский интеллектуальный дискурс развивался как узко региональный, сфокусированный на нескольких темах и проблемах, изучение которых не могло бы поставить под сомнение лояльность чувашских интеллектуалов советской власти. Важнейшими из этих тем были прогрессивное русское влияние и советские достижения чувашской литературы. Сфокусированность именно на советском делала необязательным изучение дореволюционной чувашской литературы. В случае же, если речь о таковой и заходила, то чувашские интеллектуалы во второй половине 1950-х годов следовали за той методологической схемой, которая была предложена их коллегами. История литературы до 1917 года сводилась к предыстории чувашской советской литературы и поиску в произведениях дореволюционных писателей прогрессивного содержания. Это способствовало значительной идеологизации интеллектуального дискурса, делая невозможным появление исследований, в которых бы содержалась альтернативная концепция.

Развитие чувашского национализма на данном этапе было связано с общей политической ситуацией в стране в целом. В условиях существования как авторитарного режима, так и унифицированного культурного и интеллектуального пространства, националистические движения в регионах СССР в наименьшей степени развивались как политические. Активность националистов в автономных республиках РСФСР в значительной степени была связана с изучением прошлого. В подобной ситуации гуманитарные исследования (связанные с анализом истории, языка, литератур той или иной республики) не только вели к сохранению идентичности, но и способствовали ее укреплению, закладывая основы для последующей политизации.

Список литературы

1. Авраль Д. За пролетарскую литературу. Чебоксары, 1930.
2. Алексеев А. А. Ашмарин о некоторых вопросах развития чувашского литературного языка // Н. И. Ашмарин - основоположник чувашского языкознания: сборник статей. Чебоксары, 1971. С. 179-186.
3. Алексеев А. А. Жизнь и деятельность чувашского этнографа, фольклориста и языковеда Н. Е. Ефимова // Труды НИИ при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1975. Вып. 59. Чувашский язык и литература. С. 198-228.
4. Алексеев А. А. Краткий очерк жизни и деятельности чувашоведа В. П. Громова // Исследования по лексике и грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1986. С. 59-69.
5. Алексеев А. А. Чăваш литература чĕлхин ум историйĕпе малтанхи утăмĕсем // Чăваш илемлĕ литература чĕлхи. Шупашкар, 1978. С. 3-18.
6. Алексеев А. А. Чăваш сырулăхĕн Аслă Октябрь революцийĕченчи утăмасĕм // Тăван Атăл. 1971. № 1. С. 66-72.
7. Андреев-Урхи Н. А. Данные языка к вопросу о происхождении чуваш // О происхождении чувашского народа: сборник статей. Чебоксары, 1957. С. 48-70.
8. Ашмарин Н. И. Ваттисем каланă сăмасхем. Шупашкар, 1925.
9. Ашмарин Н. И. Сĕнĕ сăмасхем // Атăл юрри. 1920. № 1. С. 20-21.
10. Ванеркке Н. Чăваш чĕлхийĕн орфографи словарĕ. Шупашкар, 1926.
11. Денисов П. В. Древнетюркские черты в религиозных верованиях чувашей // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Чебоксары, 1979. С. 109-131.
12. Денисов П. В. Интеллектуально-этнографические исследования Н. М. Охотникова // Исследования по истории Чувашии дооктябрьского периода. Чебоксары, 1985. С. 70-89.
13. Денисов П. В. Никифор Михайлович Охотников: очерк жизни и деятельности // Вопросы истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1984. С. 3-30.

14. **Егоров В. Г.** Ашмарин как исследователь чувашского языка. Чебоксары, 1970. С. 23.
15. **Егоров В. Г. Н. И.** Ашмарин как исследователь чувашского языка: к 100-летию со дня рождения. Чебоксары, 1970.
16. **Егоров В. Г. Н. И.** Ашмарин как исследователь чувашского языка: к 75-летию со дня рождения. Чебоксары, 1948.
17. **Егоров Н. И.** Историческое развитие общетюркского «А» первого слога в болгаро-чувашском языке // Вопросы истории чувашского языка. Чебоксары, 1985. С. 3-28.
18. **Закриев М. З.** Татар халкы телең барлыкка килүе. Казан, 1977.
19. **Золотов Н. Я.** Краткий очерк народной поэзии чуваш. Чебоксары, 1928.
20. **Каховский В. Ф.** К вопросу о происхождении и формировании чувашской народности // Чувашки: этнографические исследования. Чебоксары, 1970. Т. 2. Духовная культура / ред. М. Я. Сироткин, М. И. Иванов. С. 298-305.
21. **Кочетков В. Д.** Изучение истории Чувашии в первой половине XIX века (1800-1860) // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. Чебоксары, 1980. С. 120-152.
22. **Кузнецов И.** Наци ыйтăвёпе чăвашсен илемлĕ литератури. Шупашкар, 1931.
23. **Кузнецов И. Д.** О древних чувашско-китайских связях // Кузнецов И. Д. Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 15-32.
24. **Линднер Р.** Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Беларусіка / Albaruthenica. Мн., 1997. Т. 6. Ч. 1. С. 114.
25. **Отчет о деятельности Общества изучения местного края Чувашии за 1921-1922 годы.** Чебоксары, 1923. С. 20-22.
26. **Павлов Ф.** Чувашки и их песенное и музыкальное творчество. Чебоксары, 1927.
27. **Сергеев Л. П.** Категория числа и семантические функции чувашского аффикса множественного числа -сем в сопоставлении с общетюркским -лар (-лер) // Труды НИИ при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1975. Вып. 53. Чувашский язык и литература. С. 44-61.
28. **Сироткин М. Я. Н. И.** Ашмарин и чувашская культура // Н. И. Ашмарин - основоположник чувашского языкознания: сборник статей. Чебоксары, 1971. С. 13-20.
29. **Сироткин М. Я.** Очерк истории чувашской советской литературы. Чебоксары, 1956.
30. **Сироткин М. Я.** Чувашская советская литература: общий обзор // Записки Чувашского НИИ языка, литературы и истории при СМ Чувашской АССР. 1950. Вып. V. С. 90.
31. **Смит Э. Д.** Национализм и истории // Нации и национализм. М., 2002.
32. **Тимуха Хёветёрё.** Чăваш чĕлхейĕн крамматикĕ. Шупашкар, 1928.
33. **Усманова Д.** Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 350-351.
34. **Федотов М. Р.** Отношение чувашского и общетюркского языков к языкам хазар, дунайских и волжских болгар и финно-угров // Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1979. Вып. 87. Вопросы лексикологии и фразеологии чувашского языка. С. 3-40.
35. **Brooks R. S.** Step-Mother Tongue: Language and Ethnicity among Bulgarian Pomaks // BJS. 2002. Vol. 46. Race and Ethnicity in a Global Context. P. 27-45.
36. **Friedman J.** History, Political Identity and Myth // Lietuvos etnologija / Lithuanian Ethnology: studies in Social Anthropology and Ethnology. 2001. № 1.
37. **Friedman J.** Myth, History and Political Identity // Cultural Anthropology. 1992. Vol. VII.
38. **Kyrzczaniw M. W.** Latgale as lieux de memoire: Re-Thinking Histories and Constructing Identities in Nationalistic Imagination // Buletinul Universităţii Petrol - Gaze din Ploieşti. Seria ştiinţe socio-umane şi juridice. 2007. Vol. LIX. № 1. P. 125-134.
39. **Thompson D.** Must History Stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers // Encounter. 1968. Vol. 30. № 6.

HUMANITIES RESEARCHES AS THE FORM OF NATIONALISM FUNCTIONING IN THE CHUVASH AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC IN 1950-1960S

Maksim Valer'evich Kirchanov, Ph. D. in History

*Department of Foreign Affairs and Region Studies
Voronezh State University
maksymkirchanoff@gmail.com*

The author's conception is based on the acceptance of the Chuvash language and history studying with the help of cultural nationalism forms. In the author's opinion the Chuvash intellectuals who were obliged to integrate the nationalism into the official soviet canon played a special part in nationalism development. Special attention was paid to the problems of Russian influence. National feelings were mostly manifested in language and literature researches. The development of cultural nationalism became the premise of the political nationalism activation in the 1970s - 1980s.

Key words and phrases: nationalism; Chuvash identity; soviet authoritarianism; intellectual community; humanities researches; Russian narratives; literary researches.